

Денис БЫЧИХИН

РЕГУЛЯРНО ХОДИЛИ ЖИТЬ

выставка живых тропических
Насекомых
рождение бабочек на Ваших глазах
вот и рай

Концептуалист в раю
знает службу свою:
менять местами таблички,
оставленные Адамом,
вплетать спирали сомнений
в кустистую панораму,
навязывать Еве гендер,
музеефицировать кратеры,
потом идти на ковёр – бледнея, спорить с куратором.

Метафора, слово само похоже на снег ноздреватый.
Берег один в хляби, другой покатый.
Молчат на одном, на другом треугольник света.
Тыльник надежд
кого-то зачем-то где-то.

Денис Бычихин родился в 1975 году в Хабаровске. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук. С 2006 года живёт в Туле, сотрудник Тульского историко-архитектурного музея. Публиковался в журналах «Арион», «Крещатик», «Волга», TextOnly, «Флаги», «Этажи», на сайте «Полутона», в альманахе «Среда» и др. Автор книги стихотворений «Слова и знаки препинания» (2020).

вот значит касательно трансцендентного
иногда холод
перестает мучить
иногда голод
делается вторичным
иногда дела
перестают казаться
всасывают щупальца под чешую
иногда слова
защищают как будто всегда за тебя на своём
на птичьём
трансцендентное просто не социальное
выключаюсь и даже во сне пою

Рядом с отелем, где мы жили в Тунисе,
был участок
заброшенного отеля.
Параллелепипеды в африканском бурьяне.
Дёрн и рытвины,
переплетенья торчащих корней.
Среди дня,
в часы солнцепёка,
всё это казалось гигантом,
спящим, буграми мышц, под покрывалом.
Тогда я думал,
как много на свете мест, где Бог отдыхает,
где ему хорошо.

регулярно ходили жить
потому что кому ещё
проскальзывали под пращей
пращнику говорили диафрагмой дыши

спасали деревни в предгорьях
выдыхали ну вы даёте
телевизор хотя бы изобрели
просыпались
после триумфов при перелёте на пружинящих лаврах земли

Интересно, что частная метафизика
смущает,
когда кто-нибудь говорит о надмирных
предметах и силах,
ангелах, как правило,
именно частно, с извивом,
дескать, это бездомные или санитары.
Вкручивает литературу в гимны.
Кричит через гул коллективной надежды,
разрушая арену, где идёт многотысячелетняя пьеса.
Расшатывая стены, спасаемые плющом.
Предлагая брудершафт рефери.
Первое, что думаешь: сколько ему лет.
Второе: когда бы каждый.
Третье, поправив пуговицу: прости его, метафизика.

Ленивые бегут свой марафон в чистилище,
а в них кидают ил,
а в них кидают илище.
Теперь их страх забыт,
и всё понятно им.
Счастливые ленивые бежим.

Мы не торопимся в Стамбул,
под этот купол,
в этот гул.
Вселенский, междустенный.

В домах теней,
в садах зари
мы ничего не говорим.
Нам не попасть в Стамбул,
как пленным.

Мы собираемся домой.
Мы переполнены зимой,

почти что светом.
Прости меня, язык земли,
я вспоминаю корабли,
идушие, без слов, к своим планетам.

всё время они пьют глинтвейн
задевая вон там шиповник
здания их похожи на рафинад в горсти
согреты иным теплом
перед самым крыльцом воздушные кони
листья просвечены как виноград
застилают полы кажутся дном
наведался как-то сказал чтобы пели тише
после вернулся просил петь
сначала думал они нувориши
потом что разведка
теперь что РСДРП

засыпан снегом виноградник
туман в горсти
но мы в пути и знаем ради
чего в пути

пускай хохочет рядом ветер
займи займём
темны мансарды листья плети
пока идём

шаг прирастает новым шагом
пора на свет
как будто этот снег бумага
как будто буква каждый след

передай мне подрядчик эту ночь
куст хватающий этот песок летящий
всезевающую цитадель над чашей
все долги всевоздушным карманом скрытые

склеенный сном комок
выбредая из этих ландшафтов туристом сырым как лист
набирая за пазуху формы
здесь пою где тычинки и корабли
нас где много кому подошвами фьорды ми фьорды

Кажется, это нормально.
Начинать, различая лишь оболочки слов,
обещание материала,
намечать горизонт,
губы сжав, собирать элементы пейзажа,
слово пуговицы пришивать к рубашке.
Мир появляется,
строчка прихватывает рукав.
И вдруг понимать, что плачешь,
застаешь себя в плаче,
в песке.
Слишком мало надежды в строке.
Жаль, но молчаний прав.
Только музыка налегке.

Перебирая словеса,
как бахрому на шторе,
глядишь в цивилизаций сад.
И блик столовом на приборе.

Там техник насекомых стук,
в комбинезонах там.
И буквы рыщут по листу.
И буквы тоже там.

И не вникая в их дела,
но выдыхая их,
проводишь, как мираж, слова
через листву живых.

Было их много, проворных орангутангов.
Воздух скрипел,
сыпалась наша фаланга.
И кричал командир:
– Я тебе лягу.
И цвела эта жизнь, презирая всё то,
что ценила бумага.

И когда мы пошли вперёд,
шевелия губами в прорехах шлемов,
я не знал ни кто мы,
ни где мы.

Только эти цветы под ногами
и воздух этот,
в эпицентре тщеты,
в эпицентре победы.

хлеб и воду нам принесли
и поставили на лист какого-то дерева
там в принципе всё казалось гигантским
ветки как ребра колоссов
я спросил
как же наша ярость и зависть и трусость особенно трусость
мне сказали
пока они с вами
как буквы
всё будет для вас гигантским